

ЮНЫЙ КОММЕНТАРИЙ.

Вышенаписанный стих товарища "ЗИКа" написан иллюстрированным амфибрахием с недостающими элементами хореированного ямба. При прочтении были замечены следующие несоставительства с русским языком:

- 1) Легас не в "яблоках", а совсем белый
- 2) Легас не лошадь, а конь.
- 3) Зенка не осел, а студент.
- 4) Легаса кормят не освом, а рифмой.
- 5) Рифма - это благозвучие.
- 6) Размер стиха должен отличаться от размера обуви.

"ЗИКу" с приветом! Лито-студент Доброжелательев.

В ОТВЕТ ТАЛАНТИВНЕМУ "ФИЗИКО-ТЕХНИКУ":

Поэт мечтает о Легасе...
А пародист - об ишаках,
Ему из них всего удобней
В Легасьих путаться ногах.

Вломились в стойло Легасье,
И лишь обнюхали угли,
При этом

"кое-что"

ПОДМЕТИСЬ, -

Порылись

в "яблоках"

Легаса,

Саму лошадку не заметив!

Мораль сей басни такова:
В святое стойло Легаса
Впукнуть не следует Осла.

ХХХ

Средь вас зевался пародист,
Не завести ли вам и поэта,
Чтоб в гости на Парнас стремясь,
Не ездить на ослах при этом?..

С уважением
редакция "ЗИК"

Примечание: Из словаря русского языка следует, что Ишак - то же самое, что осел, а осел - это родственное походи животное... Не потому ли он так зачестил к нашему Легасу? Легас вообще-то гостей любит, но иногда он вынужден... лягаться.

Предложение: Следующая литстраница в "ЗИКе" - ваша, пародии наши. Вы согласны, глубокоуважаемый "Физико-техник"?

Да? Нет?

Этюд.

Опустилась вниз ветка виляя.
Пригорюнился нес синее.
На седи земле капли ало
Расплескался лист в пленке инея.

Сжалвшись, деревце руки горные
В снеговой платок звяко кутает.
Воздух яростно дышит холдом -
Знать, зима идет-гостья лягая...

Этюд.

Поезда убегут

в синескую даль,
песнь разлуки пропоз
на придуманной ноте,
и в душевный уют
закрадется печаль,
и теченье минут
вдруг застынет в полете.

Одиночества боль
заберется в виски,
с губ улыбка слетит
непослушно лицей,
незавидная роль
быть затыком в тиски -
память сердце щемит,
не дает ему биться.

Каждодневная жизнь
как обычно кипит,
только небо не то,
только солнце посмеяло,
лишь миражи дрожат
перед мией на пути
мой прекрасный цветок
из прошедшего лета.

Где тот прозрачный мир
неподсказанных ласк,
где тепло твоих рук
пламенящие взоры,
где журчание лир -
мне сорвавшихся с губ
и сплетенных в узоры.

Где ж ты счастья весна
в немецком зелени крон,
в звонком донесе птиц,
пересмеивающих капели,
ты, лишившая сна,
ты, мой сказочный сон,
как тебя мне найти
моя милая фея?

Счастья дни убегут

и лишь память порой
нам напомнит ту ночь

и на стеклах узоры,
мимолетный уют,
погнутое покой,

убежавшие прочь
к нам пора расставанья.

Замерзли слова,
лишь мольчанье звенит,

как завышенный лед
под холдным дыханием.

Ты, конечно, права,
и никто не винят,
тебя в том, что идет

к нам пора расставанья.

Две души в едином
не сложились... Жаль!

Мы сердце голса
не расслышали где-то.

Распушилась снежинок
икристая шаль
по твоим волкам -

жарким отблескам лета.

"МАРАФОНЕН"

Я все прошагал,
Почти все прошагал -
Осталось метры.
Но я не первый ...
А настроение сейти -
ничуть не жаль.
Наверно, нервы.

Вам, публика, понять
меня не судено,
ты, тренер, с рыбами
глазами, полных ужаса,
пишишь про мужество...
А что в душе скажено?
Лишь поэта лужица.

А может понял я
у самой ленточки,
что сяди путь не тот,
и финиш - не конец.
Что зрители - не те
(один на сто), а мы
не тождество коней.

Мне первый раз
неправильность в отраду.
Я сел на бровку -
И улыбу вытащил:
дарю другим награды -
рвите ленточки ...
И в суете неровной?
Вот еще!

Мне в б тень,
на часик -
никого не слышать.
Теперь я знаю,
что
могу.
Сегодня сам

я всех поставил выше,
а завтра -
снова убегу.

Быть может,
Финиш - грань,
после
которой и
слава -
словно свой дыханья.
Сынши завистливая
брать:

"Он сумасшедший!"
"Да можно ли
еще нахальней!"

Я встал и
подскакал последнего -
и не спеша,
и мимо судей.

Друзья судят - значит не
друзья.

Браги похвалят -
значит не враги,
а так,
для зависти
посуда.

Мне в б тень,
на часик -
никого не слышать.
Теперь я знаю,
что
могу.
Сегодня сам

я всех поставил выше,
а завтра -
снова убегу.

"ЗАМКНУТОЕ ..."

Стараюсь быть обыкновенным,
Не подчинаюсь, не утюжусь,
Не пью кислот, не режу вены,
Не рву пальто я в холд вьюжный.

Не презираю, не рыдаю,
Хотя на Это есть причины -
не грех, не смотрю, не таю,
Глаза спасают от песчинок.

Не веселюсь, не сплю тревожно,
не трепещу, не умираю.
- Но нет. Перс я в руку вложил,
"Но" - стрицанья убираю.

Какая страсть - быть нетипич
и чисто-гладким эрудитом,
Себя красиво кончай - лично,
быть в снег лавинящийся событием.

И презирать, рыдать в портьеру,
Хоть беспричинно, но неб-модно,
Смотреть тепло и таинь первым,
Сквозь пыль заметив то, что отдан.

И рваться к ней, хота как, со слово
Одним, звучащим как молитва.
Не потерять, сберечь - пусть сломан,
Но только помнить, что в нас влит.

После веселья - сон как иглы,
Как смерть в троепетье я вложен.
- Но нет. Рука й тут поникла,
Все стрицанья эсторожно.

На Запад шла цивилизация...

За колонистами -
"ЛОНГ Джон",
За виски - деньги...
"Надизаться бы",
Стрелять чуть мимо
Чих-то жен.

А в баре люстры
очень низко,
зады в джинсы матеръяле,
и
"НЕ СРЕЛИЯТЕ В ПИАНИСТА"
на изрешеченнм рояле.

В. Кудрин

На перевале

Ветер рывками толкает тяжелую тучу.
Электровоз тянет длинный состав на рассвете.
Груду ему забраться на горную краину.
Но утром спуск будет быстр и светел.
Груз, склонившись, же безмолвно приемлю.
Длинный десант, помчав окидания тонны.
Ринется дождь на веселую майскую землю,
и ширину я из вагона, нарушив уставы,
мне наделаю свой черный ломать над псымой,
лучше об рельсы и все полома суставы.

Поезд осилил Казбека вершину крутую.
Весело поезду будет к подножью спускаться.
Ветер кавказский рывками над пручами дует,
Гуч от страха грохота дождем разрывается.
Как паровоз, я свой тендэр наполно печально,
Груз склонившись покоряя приемлю в вагоны.
Электровозом, подняв свой пантограф, отчалию,
длинный десант, помчав окидания тонны.
Ринется дождь на веселую майскую землю,
и ширину я из вагона, нарушив уставы,
мне наделаю свой черный ломать над псымой,
лучше об рельсы и все полома суставы.

На перевале

Ветер рывками толкает тяжелую тучу.

Электровоз тянет длинный состав на рассвете.

Груду ему забраться на горную краину.

Но утром спуск будет быстр и светел.

Груз, склонившись, же безмолвно приемлю.

Длинный десант, помчав окидания тонны.

Ринется дождь на веселую майскую землю,

и ширину я из вагона, нарушив уставы,

мне наделаю свой черный ломать над псымой,

лучше об рельсы и все полома суставы.

На перевале

Ветер рывками толкает тяжелую тучу.

Электровоз тянет длинный состав на рассвете.

Груду ему забраться на горную краину.

Но утром спуск будет быстр и светел.

Груз, склонившись, же безмолвно приемлю.

Длинный десант, помчав окидания тонны.

Ринется дождь на веселую майскую землю,

и ширину я из вагона, нарушив уставы,

мне наделаю свой черный ломать над псымой,

лучше об рельсы и все полома суставы.

На перевале

Ветер рывками толкает тяжелую тучу.

Электровоз тянет длинный состав на рассвете.

Груду ему забраться на горную краину.

Но утром спуск будет быстр и светел.

Груз, склонившись, же безмолвно приемлю.

Длинный десант, помчав окидания тонны.

Ринется дождь на веселую майскую землю,

и ширину я из вагона, нарушив уставы,

мне наделаю свой черный ломать над псымой,

лучше об рельсы и все полома суставы.

На перевале

Ветер рывками толкает тяжелую тучу.

Электровоз тянет длинный состав на рассвете.

Груду ему забраться на горную краину.

Но утром спуск будет быстр и светел.

Груз, склонившись, же безмолвно приемлю.

Длинный десант, помчав окидания тонны.

Ринется дождь на веселую майскую землю,

и ширину я из вагона, нарушив уставы,

мне наделаю свой черный ломать над псымой,

лучше об рельсы и все полома суставы.

На перевале

Ветер рывками толкает тяжелую тучу.

Электровоз тянет длинный состав на рассвете.

Груду ему забраться на горную краину.

Но утром спуск будет быстр и светел.

Груз, склонившись, же безмолвно приемлю.

Длинный десант, помчав окидания тонны.